

На нем было шерстяное пальто.

Он вошел, поставил чемодан на пол, снял шапку. Западные черты лица. Глаза темные. Волосы причесаны с косым пробором. Он посмотрел на меня — сквозь меня, не видя. Уныло спросил по-английски, можно ли остановиться у нас на несколько дней, пока он не подыщет себе другой отель. Я подала бланк. Он протянул мне паспорт, давая понять, что хорошо бы я заполнила бланк сама. Ян Керран, 1968 года рождения, из Гранвиля. Француз. На фотографии в паспорте он моложе и лицо не такое осунувшееся. Я дала карандаш, чтобы он поставил в бланке свою подпись; Керран достал из кармана пальто ручку. Пока я регистрировала его, он снял перчатки, положил их на стойку и стал разглядывать пыль на фигурке кошки, стоявшей на мониторе. За все время работы здесь мне впервые захотелось оправдываться. Я не виновата в том, что отель такой запущенный. Я тут всего месяц.

Здания два. В первом — администрация, кухня, гостиная и еще два этажа с номерами. Стены выкрашены в оранжевый и зеленый цвета, свет голубоватый. Старик Парк открыл отель еще в послевоенную эпоху, когда от постояльцев не было отбоя. Если день стоял ясный, в окно просматривался берег моря до самого Ульсана — город тянулся к небу, выпятив грудь, как матрона. Другое здание отеля было на одной из соседних улиц. Его подновили, придав более традиционный вид и подняв на сваях — так проще стало отапливать первый этаж, в том числе два номера на нем, ведь пол там тоньше тонкого, и если бы не сваи, в комнатах стояла бы вечная мерзлота. Во внутреннем дворике — заледеневший фонтан и каштан с голыми ветвями. Ни в одном туристическом путеводителе не упомянут отель Парка. Сюда заглядывали лишь случайные гости, которые либо слишком много выпили, либо опоздали на последний автобус.

Компьютер завис. Я объяснила новому постояльцу правила и распорядок отеля. Обычно эту обязанность брал на себя Парк. Но в тот день его не было. Завтрак с пяти до десяти утра в столовой — рядом с администрацией, за стеклянной перегородкой. Тосты, масло, джем, кофе, чай, апельсиновый сок и молоко — все это входит в стоимость проживания. За фрукты и йогурт нужно доплатить тысячу вон,

корзинка для денег рядом с тостером. Грязное белье — в прачечную, она на первом этаже в конце коридора, стирку я возьму на себя. Пароль для входа в Интернет — «ilovesokcho»*, все слитно, маленькими буквами. До ближайшего супермаркета пятьдесят метров по улице, он работает круглосуточно. Автобусная остановка слева от него. До парка Сёраксан отсюда час езды, он открыт до захода солнца. Если выпадет снег, понадобится надежная обувь. Вообще, Сокчхо — прежде всего, морской курорт. Зимой здесь мало любопытного.

В это время года отель обычно пустовал. Сейчас у нас жили только японский альпинист и девушка примерно моего возраста, она приехала из столицы, чтобы отсидеться в Сокчхо, пока не придет в себя после пластической операции лица. Она здесь уже две недели, и еще на десять дней к ней должен был приехать друг. Всех их я поселила в старом здании. С тех пор как в прошлом году умерла жена Парка, жизнь в отеле почти замерла. Номера на втором этаже не сдавались. А на первом все были заняты, учитывая тот, где жила я, и несколько комнат старика Парка. Значит, француза придется отправлять в другое здание.

Стемнело. Мы прошли по переулку до лавки тетушки Ким. Ее свиные котлеты пахли чесноком и сточной канавой, что была в трех

* «ялюблюсокчхо» (англ.). (Здесь и далее примечание переводчика).

метрах. Под ногами хрустели льдинки. Беле-
рый свет фонарей. Свернув в соседний пере-
улок и пройдя еще немного, мы оказались у
другого здания отеля.

Керран толкнул дверь номера. Розовые сте-
ны, зеркало в пластмассовой раме под барок-
ко, письменный стол, на кровати фиолетовое
покрывало. Головой он почти касался потолка,
и всего два шага отделяли кровать от стены. Я
поселила его в самой маленькой комнате, что-
бы мне проще было убираться. Общая ванная
была с другой стороны здания, во дворе, но к
ней вел крытый коридор, так что французу не
придется выходить на улицу. Впрочем, такие
вещи не волновали его. Внимательно оглядев
стену, выкрашенную кое-как, он поставил че-
модан и протянул мне пять тысяч вон, от ко-
торых я сразу отказалась. Уставшим голосом
Керран настоял, чтобы я взяла деньги.

На обратном пути в старое здание я свернула
на рынок забрать у мамы рыбу, которую ей
удалось приберечь для меня. Прошла по ря-
дам до сорок второго прилавка, не обращая
внимания на провожавшие меня взгляды.
А ведь пролетело уже двадцать три года с тех
пор, как отец вскружил маме голову, а потом
уехал к себе на родину и больше не появлял-
ся, — мое наполовину французское происхож-
дение по-прежнему было поводом для сплетен.

Мама, покрашенная, как всегда, слишком броско, протянула мне пакет с мелкими осьминогами.

— Держи, пока это всё, что есть. Соус с чили у тебя остался?

— Да.

— Сейчас дам тебе еще.

— Не нужно, у меня ведь есть.

— Почему ты совсем не ешь его?

— Да нет же, ем!

Мама натянула желтые резиновые перчатки, заскрипевшие у нее на руках, и озабоченно посмотрела на меня. Я исхудала. Мама еще поговорит с этим стариком Парком, который не оставляет мне времени даже на еду. Я сказала, что не надо. С тех пор как я устроилась на работу в отель, я каждое утро ем тосты и литрами пью кофе с молоком, так что вряд ли я похудела. Парк не сразу привык к тому, как я готовлю, однако же предоставил мне полное право хозяйничать в на кухне.

Осьминожки оказались крошечными. Если взять пригоршню, на ладони умещались десятки. Я достала их из пакета, обжарила с луком, добавив соевого соуса, немного сахара и мамино чили, разведенного с водой. Убавила огонь, чтобы не подгорело. Когда соус слегка загустел, посыпала все кунжутом и положила

сверху продолговатые тток* из клейкой рисовой муки. Затем принялась резать морковь. Оранжевые сердцевинки с прожилками и узорами отражались в лезвии ножа и почти сливались в отблесках металла с отражением моих пальцев.

Кухню обдало холодным воздухом. Обернувшись, я увидела Керрана. Он попросил стакан воды. Он пил, наблюдая за моими приготовлениями к ужину — с недоумением. От растерянности я порезала палец. Кровь капнула на морковные кружочки, загустела на краях раны. Керран достал из кармана носовой платок. Подошел и обернул мой палец.

— Внимательнее.

— Это вышло случайно.

— К счастью, да.

Он улыбнулся, так и держа свою руку вверх моей. Я высвободила кисть, стало неловко, что он вот так держит меня. Он посмотрел на сковородку.

— Ужин?

— Да, в семь часов в столовой.

— Там кровь.

Отвращение, ирония или просто констатация факта? По его тону я не поняла этого. Керран вышел.

За ужином его не было.

*Тток — в корейской кухне пирожок или клецка из рисовой муки.